

Подходы США к революциям в Мексике, Китае и России: опыт взаимодействия и осмысления

U.S. Approach to the Revolutions in Mexico, China and Russia: the Experience of Interaction and Reflection

Манухин Алексей Анатольевич

кандидат исторических наук,
Институт всеобщей истории РАН

Alexey Manukhin

PhD (History), the Institute of World History of the Russian Academy of Science

E-mail: warcraftdouble@yandex.ru

Researcher ID: N-1889-2017

ORCID: 0000-0002-1907-3459

Аннотация: Статья посвящена общим и особенным чертам практической политики США по отношению к революционным процессам за рубежом в начале XX века. В качестве примеров используются Мексиканская революция 1910–1917 гг., Русская революция и Гражданская война 1917–1922 гг., Синьхайская революция 1911 г. в Китае. Отправной точкой для исследования служат традиции сравнительного изучения революций, теорий их генезиса и влияния на международные отношения. Отмечается, что наличие устойчивых представлений о «прогессе» обуславливало положительное восприятие американцами революции как явления. Особое внимание уделяется значению американских стереотипов о своей стране как наиболее успешной «революционной»

нации». Предпринимается поиск свидетельств того, что США постепенно накапливали опыт взаимодействия с революциями, обладая достаточно ограниченной информацией о них. Исследовано соотношение дипломатических, военных, экономических, пропагандистских инструментов влияния Вашингтона на обстановку в Мексике, Китае и России, с установлением общих и особенных черт. Указывается, что американцы отталкивались от тезиса о возможности быстрого преодоления разрушительной фазы революции и ее перехода в созидательное русло. Предполагается, что революции в рассматриваемых странах способствовали постепенному изживанию в сознании американской политической элиты и интеллигенции примитивных «позитивистских» взглядов на историческое развитие. Одновременно происходило усложнение всей архитектуры планирования и проведения внешней политики США, в том числе из-за необходимости конкурировать с другими «великими державами». Изложенный подход призван прояснить типичные черты политики государства в контексте революции как международной проблемы.

Ключевые слова: сравнительная история, теория революция, внешняя политика, дипломатия, США, Россия, Китай, Мексика, восприятие, образ.

Abstract: The article is devoted to the general and specific features of the practical policy of the United States in relation to revolutionary processes abroad in the early twentieth century. The examples used are the Mexican Revolution of 1910-1917, the Russian Revolution and Civil War of 1917-1922, the Xinhai Revolution of 1911 in China. The starting point for the study is the tradition of comparative study of revolutions, theories of their genesis and influence on international relations. It is noted that the presence of stable ideas about "progress" determined the positive perception of revolution as a phenomenon by Americans. Particular attention is paid to the significance of American stereotypes about their country as the most successful "revolutionary nation". A search is undertaken for evidence that the United States gradually accumulated experience of interaction with revolutions, hav-

ing rather limited information about them. The article examines the correlation of diplomatic, military, economic, and propaganda instruments of Washington's influence on the situation in Mexico, China, and Russia, identifying common and specific features. It is indicated that the Americans proceeded from the thesis of the possibility of quickly overcoming the destructive phase of the revolution and its transition to a constructive channel. It is assumed that the revolutions in the countries under consideration contributed to the gradual eradication of primitive "positivist" views on historical development in the minds of the American political elite and intelligentsia. At the same time, the entire architecture of planning and conducting US foreign policy was becoming more complex, including due to the need to compete with other "great powers." The approach outlined is intended to clarify the typical features of state policy in the context of revolution as an international problem.

Key words: comparative history, theory of revolution, foreign policy, diplomacy, the United States, Russia, China, Mexico, perception, image

DOI: 10.32608/2305-8773-2024-44-1-140-169

Дата публикации: 29.11.2024

Дата получения: 21.08.2024

Ссылка для цитирования:

Манухин А.А. Подходы США к революциям в Мексике, Китае и России: опыт взаимодействия и осмысления // Латиноамериканский исторический альманах. 2024. № 44. С.140-169. DOI: 10.32608/2305-8773-2024-44-1-140-169

Второе десятилетие XX в. в историографии часто называют «эпохой войны и революций». В преддверии и в период Первой мировой войны аграрные и особенно аграрно-индустриальные общества проходили «проверку на прочность» перед лицом модернизации. Ряд из них стали ареной мощных социальных ре-

волюций или же оказались затронуты ими¹. Государства, которые революционные потрясения обошли стороной, вынуждены были искать баланс между дипломатическими, военными, финансовыми, пропагандистскими инструментами защиты своих интересов. Возможно, ярче всего это проявилось на примере США. К началу XX столетия они стали самой динамично развивающейся страной в мире. Наследник европейской (прежде всего, англо-французской) социально-политической и культурной традиции, проводя активную экономическую экспансию в зоне Карибского бассейна, на Дальнем и Ближнем Востоке, Соединенные Штаты тем не менее были «страной-интровертом».

После вступления США обострение конфликта между трудом и капиталом, появление феноменов социально-политического популизма (перехваченного Демократической партией у массовых движений фермеров и мелких предпринимателей) и «прогрессизма» (первоначально практиковавшегося левым крылом Республиканской партии и лишь в 1910-е гг. закрепившегося среди демократов) поставили вопрос о качестве системы и ее обновлении перед лицом внешних катаклизмов². В этой связи проблема принятия или отторжения зарубежной революции заняла прочное место в фокусе внимания политиков, предпринимателей, журналистов, ученых, членов рабочих, религиозных и благотворительных организаций. Мексика, Китай и Россия дают пример взаимодействия Соединенных Штатов с революциями, которые сопровождалась гражданскими войнами, ослаблением национального суверенитета над территорией. Позиции США в каждой из этих стран различались так же, как и они сами друг от друга, однако оценки американских наблюдателей и процесс принятия решений политиками имели между собой значительное сходство. Общая событийная канва хорошо изучена, но все еще остается богатое поле для уточнения отдельных акцентов, особенно в свете непрекращающегося обновления теоретических представлений о революциях.

¹ Даниелс, 1994. С. 329.

² Hunt, 1987. Pp. 85–106.

Статья состоит из трех блоков. В первом прослеживается развитие «революционной компаративистики» как направления историографии нового и новейшего времени и теории международных отношений. Во втором рассматриваются проблема становления американской идеологии либерального интернационализма и ее научные трактовки. В третьем, на основе официальных документов, периодической печати и публицистики, анализируются конкретные сюжеты, связанные с проведением политики США в Мексике, Китае и России в 1910–начале 1920-х гг. перед лицом революционных изменений. Исследование базируется на историко-сравнительном и историко-политологическом методах, исторической имагологии. Также учитывается концепция «революционных волн»³. Изучаемый период выступает для автора как «долгое революционное десятилетие», когда наблюдалось повсеместное «отступление либерализма» и атаки на него как слева, так и справа⁴. США этот подъем общественно-политической борьбы также не обошел стороной, хотя им чаще приходилось отвечать на революционные вызовы извне.

В поисках закономерностей Революции

Изучение революций укоренилось в интеллектуальной традиции Нового и Новейшего времени задолго до его оформления как специального историографического направления. Например, Джон Робертс утверждал, что уже Эдмунд Бёрк на исходе XVIII века «раньше, чем кто бы то ни было, увидел значение явления революции в истории цивилизации»⁵. По мнению Эрика Хобсбаума, Английская и Великая Французская революции, при всей их специфике, послужили «кратером», из которого Революция как явление «распространилась по всему свету»⁶. Если опять использовать аналогию «волн», только уже исследовательских, то, как подчеркивал Э.Э. Шульц, первая охватывает

³ Хобсбаум, 2004. С. 76–82; Шубин, 2020. С. 27.

⁴ Хобсбаум, 2004. С. 125–127.

⁵ Roberts, 1978. P. 139.

⁶ Хобсбаум, 1999. С. 11.

примерно 1830–1850-е гг. и включает в себя труды Томаса Карлейля, Ипполита Тэна, Томаса Бэйли и Джозефа Кларка, Карла Маркса и Фридриха Энгельса⁷. Наследие этих авторов имело определяющее значение для восприятия революционных процессов европейскими и североамериканскими интеллектуальными и политическими элитами начала XX века.

Тенденция к выявлению параллелей между масштабными социальными революциями закрепились в немарксистской историографии к 1960–1970-е гг. с появлением «новой научной истории»⁸. Например, представители «новой политической истории» Чалмерс Джонсон и Лоуренс Стоун выступили с концепцией революции как проявления «дисфункции системы». Несоответствие между социальной структурой и политической системой страны накапливаются, достигая состояния, когда сама система утрачивает способность приспосабливаться и восстанавливать устойчивость⁹.

В то же время даже при отсутствии строгой марксистской детерминированности первостепенное значение как причине революции в западной мысли придавалось одному «объективному» фактору. Таков был подход школы американской исторической социологии. Для Баррингтона Мура говорить о «революционной ситуации» было бессмысленно без наличия организованной борьбы за землю¹⁰. Ученица Б. Мура Теда Скокпол сопоставляла особенности французских, русских и китайских поземельных отношений. Она вывела стройную схему, при которой «старому порядку» бросает вызов крестьянское движение, а «элита» в лице сеньоров и помещиков пользуется моментом, чтобы перейти к капиталистическому способу производства, или же упускает его. По Т. Скокпол, всякая революция проходит проверку на прочность воздействием внешних сил (революционные войны Франции, интервенция Антанты в Со-

⁷ Шульц, 2017. С. 11–23.

⁸ Савельева, 2017. С. 6–7.

⁹ Johnson, 1964. Pp. 5–7, 39; Stone, 1966. P. 165.

¹⁰ Moore, 1966. Pp. 435–457.

ветскую Россию, полуколониальный режим европейских держав и борьба с японской агрессией в Китае)¹¹.

Представления об универсальности причин революций, под которыми чаще всего понималось обострение крестьянского и рабочего вопросов под воздействием внешней «империалистической эксплуатации», выступающей помощником внутренней «контрреволюции», к 1980-м гг. прочно закрепились в общественном сознании. Для многих авторов из числа «новых левых» опыт китайских и вьетнамских коммунистов, Кубинской и Сандинистской революций по осуществлению аграрной реформы, созданию «межклассовых фронтов» и ведению «продолжительной народной войны» рассматривался как ориентир при вынесении суждений об «успешности» революционных преобразований¹². Т. Скокпол под влиянием событий в «третьем мире» и сформировавших традиций их изучения обновила свою концепцию, признав еще одну необходимую детерминанту революции – наличие «массовой вооруженной борьбы»¹³.

За поиском «объективных» социально-экономических условий, измерением баланса «революция–контрреволюция» нередко терялась известная самодостаточность революционных организаций и лидеров как субъектов исторического процесса, целенаправленно формирующих повестку социально-политической борьбы, а вовсе не находящиеся «в плену обстоятельств»¹⁴. В современной историографии значительный резонанс получила концепция Джека Голдстоуна о «поколениях» революций, не в последнюю очередь из-за методологического кризиса, наступившего после «волны демократизации» 1980-х гг. и распада социалистической системы. Для Дж. Голдстоуна революция – событие, которое нельзя путать с «простыми» всплесками насилия, каковы бы ни были его мотивы. Революции «занимают особое место в истории и народном воображении, включая в себя *все* элементы – насильственное свержение

¹¹ Скокпол, 2017. С. 52–65, 75–78.

¹² Class, State and Power in the Third World, 1981. P. 121–135.

¹³ Skocpol, 1994. Pp. 279–300.

¹⁴ Grenier, 1999. Pp. 43–48.

власти, массовую мобилизацию, идею социальной справедливости. Их осуществление невозможно без наличия «лидеров-визионеров», использующих массы для создания новых политических институтов¹⁵.

Тема проекции революции вовне постепенно заняла место и в исследованиях по истории международных отношений. Еще Ханна Арендт в своем классическом труде отмечала, что революции XX века сильнее, чем когда-либо раньше, были обусловлены войнами: «в нашем столетии... сложился совершенно иной тип событий, сценарий, при котором войны словно служат прелюдией, подготовительной стадией для насилия, которое развязывается революцией... или же, напротив, сама мировая война выступает как последствие революции, что-то вроде всемирной гражданской войны...»¹⁶.

Парадокс заключался в том, что если во время Холодной войны в истории и социальных науках крупные общественно-политические трансформации в Новое и Новейшее время описывали с оглядкой на противостояние «мирового коммунизма» и «мировой демократии», то после ее завершения значение революционных движений и их международных связей в глобальном развитии стало освещаться куда меньше. Среди авторов, пытавшихся исправить это положение, был Фред Холлидей. Он доказывал, что революции глубоко укоренены в международных процессах. Революционные деятели не считают возможным оставаться в национальных рамках, стараясь направить свою энергию на «улучшение» международной обстановки¹⁷. Государства подогревают или сдерживают революции путем предоставления экономической, дипломатической и военной помощи, могут дать зарубежным революциям «фору» для развития или же, напротив, начать «душить» их.

Во многом в унисон с Ф. Холлидеем развивал свою идею об отношениях государства с революциями Ник Бисли: для того, чтобы закрепиться в качестве игрока на международной арене,

¹⁵ Голдстоун, 2017. С. 26.

¹⁶ Arendt, 1990. P. 17.

¹⁷ Halliday, 2007. P. 70.

революционеры бросают вызов «великим державам». Последние, чтобы поддержать собственное реноме, должны либо подавлять революции, либо постараться подчинить их себе¹⁸. Опыт революций и гражданских войн оказал влияние на теорию международных отношений. Например, такой корифей, как Стефен Уолт полагал, что «стабильные» государства могут попытаться воспользоваться революциями для улучшения собственных стратегических позиций, часто питают недоверие к непредсказуемому развитию революционной ситуации и нередко решаются на «превентивный удар» из соображений самосохранения. В результате Революция может рассматриваться как самостоятельный участник мировой политики, а понятия «революционный» или «контрреволюционный» применительно к политическому режиму – как строго научные, а не политизированные¹⁹. Этот подход вошел и в конфликтологию. Дэвид Даниэль, Бенджамин Хейс и Чарльз Удраат сформулировали два сценария умиротворения страны, в которой происходит революция, со стороны других государств. Первый – «принудительный», путем задержки перехода существующих противоречий в решающее противостояние, с помощью вооруженной интервенции и опоры на социально-политические силы, готовые ее поддержать. Второй – «реконструктивный», предусматривающий стимулирование изменений, направленных на ликвидацию причин катаклизмов, в том числе для предотвращения их повторения в будущем (он также не исключает ограниченного применения силы)²⁰.

На фоне западного многообразия концепций в отечественной историографии сравнительных исследований проводилось меньше. В ходе утверждения советской марксистской исторической школы в 1920–1930-е гг. были пресечены попытки «творческого» сопоставления общих черт русской революции с зарубежными, в том числе в сочинениях непосредственных

¹⁸ Bisley, 2004. Pp. 52–55.

¹⁹ Walt, 1997. Pp. 33–40.

²⁰ Daniel, Hayes, Oodrat, 1999. Pp. 35–39.

«практиков мировой революции» от Коминтерна²¹. Компаративистика по большей части ограничивалась отдельными аспектами Английской и Великой Французской революций, а по настоящему интенсивная открытая дискуссия касалась только природы якобинского этапа и роли буржуазии в последней²². Хотя в идеологических документах и научных работах постоянно подчеркивалась важность ведения революционной борьбы исходя из местных условий, Октябрьская революция и последующий путь развития советского государства считались единственно «верными».

По иронии судьбы, в «закрытых» аналитических материалах посреди дежурных формулировок признавалась «методологическая нищета» нищета советского марксизма перед лицом разнородных форм зарубежных революционных движений²³. Особенно наглядно она проявлялась во время прений советских историков с коллегами из-за железного занавеса. В частности, им явно стоило немалых полемических усилий, чтобы обосновать наличие единого «империалистического фронта» государства и крупного капитала США против Русской революции в 1917–начале 1920-х гг.²⁴ Тем не менее тщательное изучение исторических источников впоследствии помогло отечественным историкам сделать даже более доказуемые выводы на тему взаимодействия «великих держав» и революций, чем зарубежным исследователям²⁵. Это относится и вопросу классификации революций с точки зрения их глобального значения²⁶.

Взгляд на мировой революционный опыт из «Града на холме»

В историографии неоднократно подчеркивалось, что американцы, считавшие себя народом-наследником самой «респектабельной» революции в истории, были склонны смотреть на

²¹ Донский, 1928. С. 22–25; Вольский, 2024. С. 174.

²² Киселева, 2021. С. 14–15.

²³ Майданик, 1986. С. 160–164.

²⁴ Согрин, Станкевич, 1985. С. 110–116.

²⁵ Мальков, 2006. С. 17–19.

²⁶ Шубин, 2021. С. 52–54.

аналогичные события в других странах свысока, тестируя их на соответствие собственному «стандарту». Он заключался в том, чтобы создать республику с четким разделением властей и максимумом гражданских свобод, которые открыли бы путь для неограниченной предпринимательской деятельности. Уникальность исторических условий возникновения североамериканской республики приводила к тому, что ни одна из революций не могла в полной мере отвечать этому «идеалу». В результате после «увлечения» ими у представителей политической элиты, творческой интеллигенции и широкой общественности быстро наступало разочарование и безразличие²⁷.

Проблема взаимодействия США с революциями начала XX века тесно связана с фигурой президента Вудро Вильсона (1913–1921 гг.). 28-й хозяин Белого дома в деловой переписке и беседах с приближенными высказывался по поводу того, что опыт «контакта» с одними революциями помогал ему ориентироваться в выработке политики по отношению к другим (в частности, воздерживаться от того, чтобы диктовать свои условия Советскому правительству так же, как ранее он не хотел делать этого по отношению к мексиканским революционерам)²⁸. Первая амбициозная внешнеполитическая программа В. Вильсона в виде «14 пунктов» от 8 января 1918 г. во многом была попыткой противопоставить большевистскому проекту коренной ломки существующего миропорядка его «капитальный ремонт»²⁹.

В брошюре «Уход от революции» В. Вильсон, к тому времени тяжело больной и переживший крушение надежд на превращение Соединенных Штатов в морального и политического мирового лидера, описывал революцию как силу, с которой необходимо считаться: «Следует отметить как важнейший факт нашего времени, что именно против «капитализма» лидеры России направили свою энергию. Вдумчивые и осведомленные люди во всем мире понимают, что абстрактная система, кото-

²⁷ Журавлева, 2012. С. 626.

²⁸ The Papers of Woodrow Wilson (далее: PWW). Vol. 61. 1985. P. 350.

²⁹ Листиков, 2020. С. 195.

рую мы называем «капитализмом», необходима для поддержания промышленности и развития современной цивилизации. Однако... столь великие и масштабные реакции, как та, что сейчас повсеместно идет в ответ на капитализм, не происходят без причин; и, прежде чем мы однозначно зайдем враждебную позицию по отношению к этому движению, нам стоит спросить себя: является ли капитализм безупречным?»³⁰.

На протяжении нескольких десятилетий в американском интеллектуальном поле преобладали голоса сторонников первого президента-«интернационалиста», грезившего о создании справедливой системы международных отношений и при этом уделявшего внимание решению аграрного, рабочего и национального вопросов в других странах³¹. Переход к последовательной критике этого апологетического подхода начался лишь утверждением в американской историографии «ревизионистского» направления в 1960-х гг., левое крыло которого стояло на марксистских методологических позициях. Оно было обусловлено внутренними (движение за гражданские права) и внешними (Карибский кризис, война во Вьетнаме) факторами. «Отец» ревизионистов Уильям Э. Уильямс видел лейтмотивом действий США на международной арене усилия по сохранению и укреплению системы корпоративного капитализма³².

В то же время эта агрессивность сочеталась с большой культурно-психологической уязвимостью. Другой яркий представитель ревизионистов Уолтер Лафибер констатировал: «Американцы всегда стремятся к переменам, но боятся революции... Когда они осознают, что за перемены нужны заплатить цену в виде революционной ломки, они с ужасом отшатываются от них и уповают на восстановление статус-кво»³³. Так, Ллойд Гарднер объяснял стремление В. Вильсона преобразовать мир на началах интернационализма желанием противостоять «иррациональной революционной волне, поднявшейся в

³⁰ Wilson, 1923. Pp. 5–7.

³¹ Dodd, 1921.

³² Williams, 1976. Pp. 145–149.

³³ LaFeber, 1983. Pp. 12–19.

Мексике и Китае», а затем достигшей наивысшей точки в России, чтобы «спасти индустриальный капитализм»³⁴.

Позднее, на основе изучения ранее недоступных источников, в американской историографии стало укрепляться мнение о том, что США не были столь наивны и беспомощны при взаимодействии с революциями. Неудачи, которые преследовали здесь вашингтонских стратегов, объяснялись скорее сложностью проблем, чем отсутствием воли и методов их решения. Американцы играли на конфликтующих интересах отдельных политических течений в революционных государствах, выжидали исход военного противостояния между ними, чтобы попытаться навязать выгодные США требования, «оттесняя» конкурирующие державы³⁵. Что же касается В. Вильсона, то он, будучи «прагматическим идеалистом», умело использовал недавно обретенную экономическую мощь и модернизировал инструменты американской внешней политики, привлекал ученых и журналистов к процессу ее планирования³⁶.

США как благодетель и оппонент революций: три национальных «кейса»

Интересы США в Мексике, Китае и России были связаны с заботой об обеспечении доступности ресурсов этих стран, защитой инвестиций, жизни и собственности своих граждан. Каждая из них имела большое значение в условиях мировой войны с точки зрения природных и людских ресурсов. Американский финансовый капитал принимал активное участие в решении мексиканской, русской и китайской проблемы, играя ключевую роль в создании международных банковских комитетов по выплате долгов этих стран. Карьерные дипломаты соперничали с политическими назначенцами из числа бизнесменов или ученых, которые нередко доносили до Белого дома

³⁴ Gardner, 1984. P. VII

³⁵ Foglesong, 1995: 3–25

³⁶ Романов, 2005. С. 377–423.

иную трактовку событий, чем та, что излагалась в официальных депешах³⁷.

В свою очередь, революционеры часто видели в Соединенных Штатах источник финансовой помощи, необходимых знаний и технологий. Все мексиканские революционные и контрреволюционные «фракции» лоббировали свои интересы в США, находя поддержку у соперничающих корпоративных групп, Демократической и Республиканской партий, организовывали военные кампании с американской территории³⁸. Лидеры большевиков на начальном этапе Гражданской войны были склонны рассматривать Вашингтон как более договороспособного оппонента по сравнению с Лондоном и Парижем. Впоследствии они высказывались о необходимости заимствовать лучшее у Америки, «соединить русский революционный размах с американской деловитостью»³⁹. Американский период жизни Сунь Ятсена наложил значительный отпечаток на идеологию и политическую стратегию китайского национального республиканизма⁴⁰.

В Мексике к началу революции в 1910 г. США достигли преобладания над другими державами: общий объем инвестиций составил 1,5 млрд. долл., в то время как во всех прочих странах Латинской Америки доминировал британский финансовый капитал⁴¹. Несмотря на периодические всплески антиамериканизма, мексиканские революционные движения сильно зависели от США. В прессе широко обсуждались планы Белого дома сделать из легендарного командира Северной дивизии Франсиско Вильи «серого кардинала» при законном и «цивилизованном» президенте, которого надлежит избрать после победы над диктатором Викторiano Уэртой, свергнувшим в феврале 1913 г. либерального демократа Франсиско Мадеро⁴². Лидер конституционалистов Венустиано Карранса издавал декреты о

³⁷ Neu, 2006. С. 82–85.

³⁸ Raat, 1981. Pp. 168–183

³⁹ Супоницкая, 2013. С. 46–48

⁴⁰ Damon, 1991. Pp. 165–167.

⁴¹ Investigation of Mexican Affairs, 1920. P. 3313.

⁴² The Outlook. 1914. May 20. Vol. 107. No. 4. Pp. 524–527.

повышении налогов на добычу нефти для иностранных компаний в духе революционной конституции 1917 г. и заигрывал с Германией, но в вопросах займов неизменно опирался на США. Эксперт американской Федеральной резервной системы Эдвард Кеммерер пользовался доверием советников В. Каррансы в ходе своей работы над попытками оздоровления мексиканской финансовой системы⁴³.

Мексиканская революция породила призывы ученых к обновлению «устаревшей» доктрины Монро» и совершенствованию недавно созданной панамериканской системы, в том числе путем привлечения «стран ABC» (Аргентина, Бразилия и Чили)⁴⁴. В 1914 и 1916 гг. администрация В. Вильсона прибегла к интервенциям, оккупировав порт Веракрус, а затем направив в штат Чиуауа «карательную экспедицию» против Ф. Вильи. Оба эпизода рассматривались как краткосрочные акции. В Белом доме и госдепартаменте даже были готовы предоставить Великобритании право совершить высадку десанта в Мексике для охраны нефтяных месторождений от революционеров, чтобы избежать развития антиамериканских настроений⁴⁵. Такое же стремление оттянуть до последнего решение о вооруженном вмешательстве характеризовало и отправку американских войск на Русский Север и в Приморье в 1918 г.⁴⁶

В Мексике прошла испытание на эффективность практика назначения в другие страны «конфиденциальных агентов», выполнявших недостаточно развитую американскую дипломатию и разведку. Первым из них стал бывший губернатор штата Миннесота Джон Линд. Он рисовал конституционалистов как истинных приверженцев буквы закона и удостоился издания ими своих апологетических статей в переводе⁴⁷. Последним по счету был Джордж Крил, мастер пропагандистской работы, который в годы войны возглавлял Комитет общественной информации (КОИ) и являлся дальним родственником Энрике Крила,

⁴³ Hall, 1995. Pp. 18–35; Uthoff López, 1998. Pp. 159–175.

⁴⁴ Bingham, 1913. Pp. 48–50.

⁴⁵ PWW. Vol. 41. 1983, Pp. 37–38.

⁴⁶ Листиков, 2020. С. 197–198.

⁴⁷ Lind, 1915. Pp. 25–32.

министра иностранных дел при Порфирио Диасе (1877–1911 гг.). Ему довелось выступить «могильщиком» конституционализма после свержения В. Каррансы «триумvirатом из Соноры» (Альваро Обрегоном, Плутарко Кальесом и Адольфо де ла Уэртой) в 1920 г. Встретившись с новыми властями Мексики, Дж. Крил представил их как ответственных политиков-реалистов, готовых защищать интересы американского бизнеса, и при этом стремящихся в Лигу Наций⁴⁸. Во многом это взаимодействие заложило основу для заключения в 1923 г. Букарельских соглашений, создавших благоприятные условия разработки мексиканских нефтяных месторождений в обмен на дипломатическое признание национал-реформистского правительства.

В Китае США с начала XX века настойчиво проводили политику «открытых дверей», несмотря на то что она вызывала трения с Японией, Россией и Великобританией⁴⁹. В своем проекте «интернационализации» железных дорог Маньчжурии США отчетливо пытались обеспечить себе преимущества, хотя и высказывались в духе «равных возможностей». Настойчивое внедрение американского Хугуанского железнодорожного проекта в провинциях Хубэй, Хунань и Гуандун, предоставление займов для реформирования валюты китайской валюты сочетались с попытками добиться от Японии отказа от ее претензий на влияние в Манчжурии⁵⁰. Непоследовательность политики США проявилась и в выходе из международного банковского консорциума, который мотивировался «несправедливостью» данного объединения по отношению к Китаю, при последующей реализации односторонних проектов финансового проникновения⁵¹.

В то время, как в Мексике администрация В. Вильсона была щепетильна в выборе того правительства, которое сможет признать в силу его социально-политических и идеологических

⁴⁸ PWW. Vol. 66. Pp. 269–270; Creel, 1926. Pp. 287–288.

⁴⁹ Kelly, 2013. Pp. 32–40.

⁵⁰ Fairbank, 1962. P. 257.

⁵¹ Davis, 1982. Pp. 243–255.

свойств, на китайском направлении велась чистая Realpolitik. Генерал Юань Шикай, несмотря на роспуск им парламента и неприкрытый диктаторский характер правления, незамедлительно был признан в качестве временного президента⁵². США не подвергли критике и «21 требование» Токио к Пекину после оккупации японцами провинции Шаньдун в 1915 г. Особая сфера влияния в Китае закреплялась за Японией соглашением между госсекретарем США Робертом Лансингом и министром иностранных дел Какуиро Исии в ноябре 1917 г.⁵³

Исследователи отмечали интересную особенность восприятия Китая в политической традиции США. Еще в преддверии Синьхайской революции 1911 г. американские ученые и корреспонденты предрекали ему решительные успехи на пути прогресса. Таким описывали его в своих письмах и дипломатических донесениях основоположник китаеведения в США профессор Уильям Рокхилл и посол В. Вильсона в Пекине, профессор Висконсинского университета Пол Рейнш. Китай неизменно предстал жертвой империалистических замыслов Японии и Великобритании. Отчасти это было вызвано строгими запретами республиканского правительства посягать на имущество иностранцев⁵⁴.

Многогранный образ Китая создал для американской общественности и правящих кругов крупный философ и педагог Джон Дьюи, работавший в азиатской стране 1919–1921 гг. Он был свидетелем развития студенческого в своей основе «Движения 4 мая», подчеркивая удивительную сплоченность и сознательность разных слоев, казалось бы, совершенно пассивной нации, когда дело касалось принципиальных вопросов. Подобно многим представителям либеральных интеллектуалов, он

⁵² Papers relating to the Foreign Relations of the United States, 1913. P. 103.

⁵³ Mutual Interests in China (The Lansing-Ishii Agreement). November 2, 1917 // Library of Congress. Law. U.S. Treaties [Electronic Resource]. URL: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/b-jp-ust000009-0425.pdf> (accessed: 28.11.2024).

⁵⁴ Дэвис, Трани, 2009. С. 334–349.

стремился подмечать у китайцев «демократизм на бытовом уровне», который тут же проявлялся ими при обсуждении преимуществ свободной конкуренции и разделении властей в Соединенных Штатах⁵⁵. Дж. Дьюи одним из первых привлек внимание к недовольству американцами в китайском обществе, поскольку они, в отличие от своекорыстных японцев, «много говорили, но ничего делали»⁵⁶.

На Версальской мирной конференции 1919 г. США, опираясь на Японию с целью оказания давления на Великобританию и Францию, легитимизировали ее привилегированное положение в Китае. Попытки манипулирования внутривнутриполитическими процессами сводились к поддержанию «северной» партии Пекина против «южной» в Нанкине совместно с Великобританией⁵⁷. По мере погружения Китая в состояние военного и социального конфликта в начале 1920-х гг. участились рассуждения о том, как американцы могли бы помочь китайцам преодолеть наследие имперского прошлого, особенно с точки зрения развития бизнеса⁵⁸. Усиление Японии вызвало полемику о том, насколько США вправе «самоустраниться» из Восточной Азии с точки зрения как собственных, так и китайских интересов⁵⁹.

Особенность России заключалась в том, что, несмотря на сохранявшуюся традиционность социального уклада, в 1917 г. она обладала статусом «великой державы» и имела ключевое значение для военных усилий Союзников. Противоречия между идеологическими течениями в ней также были куда острее, чем в Мексике и Китае. Тем не менее даже за организационной монолитностью большевиков американцам также поначалу виделось скорее успешное национально-освободительное движение, чем будущая однопартийная военизированная диктатура. «Контрреволюция» в лице монархистов пугала их куда больше.

В течение 1917–1918 гг. основной задачей американской политики в России было восстановление боеспособности рус-

⁵⁵ Dewey, 1920. Pp. 172–226.

⁵⁶ Дэвис, Трани, 2009. С. 378.

⁵⁷ Fairbank, 1962: 320–327.

⁵⁸ Asia. 1919. August 13. Vol. 19. No. 8. Pp. 729–741.

⁵⁹ The Nation. 1921. November 30. Vol. 113. No. 2943. Pp. 619–620.

ской армии, при одновременном сдерживании «латентных» имперских амбиций, в том числе путем самоопределения наций бывшей империи⁶⁰. В 1918 г. Советское правительство старательно «обхаживало» администрацию В. Вильсона, заявляя о готовности заключать торговые соглашения, чтобы США заняли место Германии как главного торгового партнера России и помогли восстановлению подорванного войной хозяйства⁶¹. Большевики высказывались перед представителями правительства США в том смысле, что они «выделяют Америку среди прочих союзников»⁶². В 1919 г. усилия Белого дома были сосредоточены на попытках завершения Гражданской войны дипломатическим путем. Провал миссии Уильяма Буллита, который полагал, что нашел формулу для создания переходного правительства в России, стал серьезным разочарованием для администрации⁶³. В 1920–1922 гг. на первый план выдвинулось противостояние аппетитам Японии на российском Дальнем Востоке.

Выступая с инициативой начала переговоров между большевиками и их противниками, США одновременно финансировали антибольшевистские силы через фонд посла Временного правительства Б.А. Бахметева⁶⁴. Передача контроля над финансовыми ресурсами страны банку под гарантии правительства США предлагалась американскими экспертами еще в 1916 г. для Мексики и была первой инициативой такого рода⁶⁵. Однако если там речь шла о поддержке признанного центрального правительства, то в России – о помощи его противникам. В Мексике данная схема дала сбой из-за нежелания революционной элиты попасть под полный контроль США. Омское Российское правительство адмирала А.В. Колчака, по сути смирившись со

⁶⁰ PWW. Vol. 51. Pp. 68–70.

⁶¹ Bolshevik Propaganda, 1919. Pp. 784–786.

⁶² Salzman, 1991. P. 279.

⁶³ The Bullitt Mission to Russia, 1919. Pp. 51–54.

⁶⁴ PWW. Vol. 51. Pp. 218–220.

⁶⁵ Edward D. Trowbridge. Memorandum on Mexico. October 1, 1916. Library of Congress. Manuscript Division. Henry Prather Fletcher Papers. Container 4: General Correspondence; Trowbridge, 1919.

столь неравноправным положением, все равно не могло эффективно использовать эти ресурсы.

В американском общественном мнении сложилось представление о русских как жертве германского деспотизма, заслуживающего, чтобы ему протянули руку помощи, точно так же как китайцы, оказавшиеся во власти Японии⁶⁶. Неподдельные надежды на помощь США вплоть до конца гражданской войны сохраняли противники большевиков. Такие ветераны русского народничества, как Н.В. Чайковский и Е.К. Брешко-Брешковская выступали посредниками между антибольшевистскими правительствами и союзниками, питая особые надежды на благосклонность США⁶⁷. Они задействовали моральный авторитет, обретенный ими в борьбе с самодержавием накануне и во время революции 1905–1907 гг.⁶⁸ Целевой аудиторией пропаганды кадетов и правых эсеров были американские законодатели, правые социалисты, крупнейшие профсоюзы, прежде всего, Американская федерация труда (АФТ).

Немногочисленные представители американских академических кругов, которые интересовались Россией, достаточно легко обращались в веру русских «демократических» социалистов. Именно так основатель чикагской школы русистики профессор Сэмюель Харпер со временем стал одним из экспертов, согласившихся заявить о подлинности знаменитых «документов Сиссона» – фальшивки о большевиках как марионетках Германии, созданной в КОИ⁶⁹. Конкуренция эмиссаров ЦК РКП(б) и правительства адмирала А.В. Колчака проявилась в функционировании в США агентства «Советская Россия» (Soviet Russia) Людвиг Мартенса и Сантери Нуортева, с одной стороны, и «Русского информационного бюро» (Russian Information Bureau) Джозефа Сака, с другой⁷⁰.

По признаку поддержки советского эксперимента или его неприятия (без четкого представления о том, что он собой

⁶⁶ Asia. 1918. April 11. Vol. 18. No. 4. Pp. 274–281.

⁶⁷ PWW. Vol. 61. Pp. 14–21.

⁶⁸ Foglesong, 2007. Pp. 8–14; Zhuravleva, 2020.

⁶⁹ Harper, 1945. Pp. 111–115.

⁷⁰ Lasch, 1962. Pp. 154–162.

представляет на самом деле) раскололись главные редакторы популярных среди интеллигенции «толстых» журналов – The Nation, New Republic, The North American Review, The Outlook. Похожая ситуация наблюдалась в 1913–1916 гг. применительно к мексиканской революции. Важными акторами русской политики США выступали общественные организации. Ассоциация молодых христиан видела в своей миссионерской деятельности залог «американизации» местного населения за счет миссионерской работы. Американский Красный крест, помимо облегчения страданий раненых и голодающих, собирал ценную разведывательную информацию⁷¹. АФТ выступала с поддержкой или осуждением действий как большевиков, так и их противников, проводя параллельную официальному Вашингтону дипломатию⁷².

Отдельные американские публицисты, приняв сторону в зарубежном конфликте, стремились донести свою точку зрения до президента, дипломатов и законодателей, обличая большевизм или, напротив, оправдывая его как необходимое лекарство от социального неравенства. Пожалуй, в качестве двух наглядных антиподов можно рассматривать леволиберального журналиста Линкольна Стеффенса, сопровождавшего У.Буллита во время его миссии в Советскую Россию в 1919 г., и правого социалиста Джона Спарго. Л. Стеффенс, подобно куда более известному Джону Риду, отправился в Россию, имея за плечами опыт путешествия в Мексику⁷³. Он прямо сравнивал А.Ф. Керенского с Ф. Мадеро: «Бонапарт русской революции», как четырем годами ранее «апостол мексиканской демократии», не сумел понять запросов народных масс и оказался зажат между нарастающей революцией и реакцией⁷⁴. Дж. Спарго, основатель Американской социал-демократической лиги и некогда пламенный обличитель корпоративного капитала, бичевал Советское правительство за уничтожение демократических

⁷¹ Советско-американские отношения: годы непризнания, 1918–1926, 2002. С. 82–89.

⁷² American Federationist. 1920. Vol. 27. No. 2. Pp. 253–267.

⁷³ Everybody's Magazine. 1916. May. Vol. 34. No. 5. Pp. 533–547.

⁷⁴ Steffens, 1931. Pp. 741–745.

свобод. Хаос, воцарившийся на пространстве бывшей империи, он рассматривал с позиций защиты практических интересов США, прежде всего, в контексте экономического соперничества с Японией⁷⁵.

К завершению активной фазы Гражданской войны в России американский политический класс, его помощники и критики понимали большевиков не многим больше, чем в 1917 г. В отличие от Мексики и Китая, после агрессивной по духу ноты госсекретаря Бейнбриджа Колби идеологические соображения борьбы с большевизмом возобладали над прагматизмом, отсрочив признание Советской России на долгие годы⁷⁶. Переход к НЭПу породил в США надежды на вступление русской революции в фазу «термидора» и скорое превращение большевиков в «нормальных» государственных деятелей, которым не суждено было сбыться⁷⁷.

В вопросе о взаимодействии с феноменом революции важным мотивом американского правительства и тех кругов, которые оказывали ему поддержку, был учет зарубежного опыта с целью предотвращения революционного насилия в собственной стране. Выстраивая отношения с революционными и контрреволюционными силами, американцы постепенно расставались с иллюзиями об универсальности своего исторического пути. В оценках социально-экономических условий, мотивов иностранных политических движений и лидеров, желаемое часто преобладало над действительным. Ключевым мотивом американцев была помощь народам революционных стран в обретении «самоуправления», однако они постоянно испытывали сомнения в том, готовы ли те к нему. Выбирая между революцией и «реакцией», США, как правило, отдавали предпочтение первой, но дилемма «поступательные реформы или революция» в основном оказывалась неразрешимой.

⁷⁵ Spargo, 1920. Pp. 358–360.

⁷⁶ PWW. Vol. 66. Pp. 119–122.

⁷⁷ The Nation. 1921. August 10. Vol. 113. No. 2930. Pp. 141–143.

Мексика, Китай и Россия начала XX века дали США серьезный стимул к изучению обществ «незападного» типа. Мексиканская революция бушевала в непосредственной близости; русская революция всколыхнула сам американский социум, породив «великий красный страх» перед наступлением левого радикализма и изоляционистские настроения; китайская скорее оставалась далекой экзотикой. Не стоит забывать, что Соединенные Штаты совсем недавно вошли в клуб «великих держав» и пока еще преимущественно в экономическом отношении. Внешнеполитический механизм только начинал приобретать способности к комплексному анализу ситуации в других странах и целенаправленного влияния на нее. Однако статус центра мировой капиталистической системы, обретенный Америкой в эпоху «войны и революции», вызвал стремление к быстрому осмыслению окружающего мира, в котором революция становилась повсеместным явлением. Это произошло уже после Второй мировой войны.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вольский А.* История мексиканских революций. 2-е изд. М.: ИЛА РАН, 2024. 416 с. Vol'skij A. Istorija meksikanskih revoljucij. 2n. Moskva: ILA RAS, 2024. 416 s. [The History of Mexico's Revolutions].
- Голдстоун Дж.А.* Революции: очень краткое введение. М.: Институт Гайдара, 2017. 200 с. Goldstone J.A. Revoljucii: ochen' kratкое vvedenie. Moskva: Institut Gajdara, 2017. 200 s. [Revolutions: A Very Short Introduction].
- Даниелс Р.В.* Гражданская война в России в свете сравнительной истории революции // Гражданская война в России: перекресток мнений / отв. ред. Ю.А. Поляков, Ю.И. Игрицкий. М.: Наука, 1994. С. 328–344. Daniels R.V. Grazhdanskaja vojna v Rossii v svete sravnitel'noj istorii revoljucii // Grazhdanskaja vojna v Rossii: perekrestok mnenij [Russian Civil War in the Light of Contemporary History of a Revolution // Russian Civil War: the Crossroads of Opinions] / ed. Yu.A. Poliakov, Yu.I. Igritsky. Moskva: Nauka, 1994. S. 328–344.

- Донский Г.М.* Борьба за Латинскую Америку. М.-Л.: Московский рабочий, 1928. 152 с. Donskij G.M. Bor'ba za Latinskiju Ameriku. Moskva-Leningrad: Moskovskij rabochij, 1928. 152 s. [The Struggle for Latin America].
- Дэвис Д., Трани Ю.* Кривые зеркала: США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке. М.: Вагриус, 2009. 912 с. Davis D.E., Trani E.P. Krivye zerkala: SShA i ih otnoshenija s Rossiej i Kitaem v HH veke. MoskvaÑ Vagrius, 2009. 912 s. [Distorted Mirrors: the United States in Their Relations with Russia and China in the 20th Century].
- Журавлева В.И.* Понимание России в США: образы и мифы, 1881–1914. М.: РГГУ, 2012. 1136 с. Zhuravleva V.I. Ponimanie Rossii v SShA: obrazy i mify, 1881–1914. Moskva: Russian State University for the Humanities, 2012. 1136 s. [Understanding Russia in the United States: Images and Myths, 1881–1914].
- Киселева О.А.* К вопросу об изучении социальных революций Нового времени // Вестник Вологодского государственного университета. Серия Исторические и филологические науки. 2021. № 2 (21). С. 11–16. Kiseleva O.A. K voprosu ob izuchenii social'nyh revoljucij Novogo vremeni [On the Subject of Studying Social Revolutions in the Modern History] // Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istoricheskie i filologicheskie nauki. 2021. No. 2 (21). S. 11–16.
- Листиков С.В.* «Недоверчивая сдержанность Вильсона»: американская дипломатия в поисках русской политики, 1917–1918 годы // Новая и новейшая история. 2020. Т. 64. № 2. С. 192–203. Listikov S.V. «Nedoverchivaja sderzhannost' Vil'sona»: amerikanskaja diplomatija v poiskah russoj politiki, 1917–1918 gody [“Wilson’s Incredulous Self-Reserve”: U.S. Diplomacy in Search for Russian Policy, 1917–1918] // Novaja i novejšaja istorija. 2020. Vol. 64. No 2. S. 192–203.
- Майданик К.Л.* Революционная альтернатива в Латинской Америке: проблема единства левых сил // Революционный процесс в развивающихся странах (для служебного пользования) / отв. ред. К.Л. Майданик. М.: ИМЭМО АН СССР, 1986. С. 99–165. Majdanik K.L. Revoljucionnaja al'ternativa v Latinskoj Amerike: problema edinstva levyh sil //

Revoljucionnyj process v razvivajushhihsja stranah [The Revolutionary Alternative in Latin America: the Problem of Unity of the Left-Wing Forces // The Revolutionary Process in the Developing Nations. A collection of Works (for administrative use only)] / ed. K.L. Majdanik. Moskva: Institute of World Economy and International Relations of the USSR Academy of Sciences, 1986. S. 99–165.

Мальков В.Л. О новых подходах в изучении истории Первой мировой войны // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов /отв. ред. В.П. Козлов. М.: Наука, 2006. С. 17–26. Mal'kov V.L. O novyh podhodah v izuchenii istorii Pervoj mirovoj vojny // Poslednjaja vojna Rossijskoj imperii: Rossija, mir nakanune, v hode i posle Pervoj mirovoj vojny po dokumentam rossijskih i zarubezhnyh arhivov [On the New Approaches in World War I Studies // The Last War of the Russian Empire: Russia, the World Before, During and After World War I Based on Russian and Foreign Primary Sources] /ed. V.P. Kozlov. M.: Nauka, 2006. S. 17–26.

Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.-Тамбов: Издательство ТГУ, 2005. 504 с. Romanov V.V. V poiskah novogo miroporjadka: vnesnepolitcheskaja mysl' SShA (1913–1921 gg.). Moskva and Tambov: Tambov State University, 2005. 504 s. [In Search for a New World Order: U.S. Foreign Policy Thought, 1913–1921].

Савельева И.М. Историческая наука в XXI веке. Ключевые слова // Диалог со временем. 2017. Вып. 58. С. 5–24. Savel'eva I.M. Istoricheskaja nauka v XXI veke. Kljuchevyje slova [History Studies in the 21st Century. Key words] // Dialog so vremenem. 2017. Issue. 58. S. 5–24.

Скочпол Т. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Институт Гайдара, 2017. 552 с. Skochpol T. Gosudarstva i social'nye revoljucii. Sravnitel'nyj analiz Francii, Rossii i Kitaja. Moskva: Institut Gajdara, 2017. 552 s. [States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China].

- Советско-американские отношения: годы непризнания, 1918–1926. [Сборник] / сост. Ю.В. Иванов. М.: Материк, 2002. 629 с. Sovetsko-amerikanskije otnoshenija: gody nepriznanija, 1918–1926. [Sbornik] / sost. Ju.V. Ivanov. M.: Materik, 2002. 629 s. [The Soviet – U.S. Relations: Years of Non-Recognition, 1918–1926: Documents].
- Согрин В.В., Станкевич С.Б.* История отношений СССР и США: дискуссия советских и американских историков // История и современная идейно-политическая борьба. Сборник научных трудов / отв. ред. В.В. Согрин (для служебного пользования) М.: ИВИ АН СССР, 1985. С. 109–123. Sogrin V.V., Stankevich S.B. Istorija otnoshenij SSSR i SShA: diskussija sovetskih i amerikanskih istorikov // Istorija i sovremennaja idejno-politicheskaja bor'ba. Sbornik nauchykh trudov [The History of Soviet–U.S. Relations: Discussion Between the Soviet and American Historians // History and the Contemporary Ideological and Political Struggle. A Collection of Works (for administrative use only)] / ed. V.V. Sogrin. Moskva: Institute of World History of the USSR Academy of Sciences. S. 109–123.
- Супоницкая И.М.* Американизация Советской России в 1920–1930-е гг. // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 46–59. Suponitskaja I.M. Amerikanizacija Sovetskoj Rossii v 1920–1930-e gg. [The Americanization of Soviet Russia in the 1920s and 1930s] // Voprosy istorii. 2013. No. 9. S. 46–59.
- Хобсбаум Э.* Век революции. Европа 1789–1848. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 475 с. Hobsbawm E. Vek revoljucii. Evropa 1789–1848. Rostov-na-Donu: Feniks, 1999. 475 s. [The Age of Revolution. Europe, 1789–1848].
- Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век, 1914–1991. М.: Издательство Независимая газета, 2004. 632 с. Hobsbawm E. Epokha krajnostej. Korotkij dvadcatyj vek, 1914–1991. Moskva: Izdatel'stvo Nezavisimaja gazeta, 2004. 632 s. [The Age of Extremes. The Short 20th Century, 1914–1991].
- Шубин А.В.* Мировая революционная волна (1918–1923). Прилив. М.: Академический проект, 2020. 773 с. Shubin A.V. Mirovaja revoljucionnaja volna (1918–1923). Priliv. Moskva:

- Akademicheskij proekt, 2020. 773 s. [The World Revolutionary Wave, 1918–1923: Tide].
- Шубин А.В.* Почему Испанская революция является великой // Латиноамериканский исторический альманах. 2021. Вып. 32. С. 50–78. Shubin A.V. Pochemu Ispanskaja revoljucija javljaetsja velikoj [Why the Spanish Revolution Is Great] // Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah. 2021. Issue. 32. S. 50–78.
- Шульц Э.Э.* Теория революции: Революции и современные цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2017. 400 с. Shulz E.E. Teorija revoljucii: Revoljucii i sovremennye civilizacii. Moskva: LENAND, 2017. 400 s. [The Theory of a Revolution: Revolutions and Contemporary Civilizations].
- Arendt H.* On Revolution. 4th edition. London: Penguin books, 1990. 350 p.
- Bingham H.* Monroe Doctrine: An Obsolete Shibboleth. Boston: Marymount press, 1913. 172 p.
- Bisley N.* Counter-revolution, Order and International Politics // Review of International Studies. 2004. Vol. 30. No. 1. Pp. 49–69.
- Bolshevik Propaganda. U.S. Congress. Senate. Hearing before a Subcommittee of the Committee on the Judiciary. Wash. (D.C.): Government printing office, 1919. 1265 p.
- The Bullitt Mission to Russia. U.S. Congress. Senate. Testimony before the Committee on Foreign Relations of the United States Senate by William C. Bullitt. Wash. (D.C.): Government printing office, 1919. 165 p.
- Class, State and Power in the Third World: with Case Studies of Class Conflict in Latin America / ed. J. Petras. Montclair and London: Zed press, 1981. 285 p.
- Creel G.* The People Next Door: An Interpretive History of Mexico and the Mexicans. New York: the John Day Co, 1926. 418 p.
- Damon A.M.* Financing Revolution: Sun Yat-sen and the Overthrow of the Ch'ing Dynasty // The Hawaiian Journal of History. 1991. Vol. 25. Pp. 161–186.
- Daniel D.C., Hayes B.C., Oudraat Ch.J.* Coercive Inducement and the Containment of International Crises. Wash. (D.C.): United States Institute of Peace, 1999. 288 p.

- Davis C.B.* Financing Imperialism: British and American Bankers as Vectors of Imperial Expansion in China, 1908–1920 // *The Business History Review*. 1982. Vol. 56. No. 2. Pp. 236–264.
- Dewey J.* Letters from China and Japan. New York: E.P. Dutton and Co, 1920. 311 p.
- Dodd W.E.* Woodrow Wilson and His Work. New York and Toronto: Garden City, 1921. 468 p.
- Fairbank J.K.* The United States and China. Cambridge (Mass.): Harvard University press, 1962. 365 p.
- Foglesong D.S.* America's Secret War against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill and London: the North Carolina University press, 1995. 386 p.
- Foglesong D.S.* The American Mission and the “Evil Empire”: the Crusade for a “Free Russia” since 1881. New York: Cambridge University press, 2007. 352 p.
- Gardner L.C.* Safe for Democracy: the Anglo-American Response to Revolution, 1913–1923. New York: Oxford University press, 1984. 383 p.
- Grenier I.* The Emergence of Insurgency in El Salvador: Ideology and Political Will. Pittsburgh: University press, 1999. 222 p.
- Hall L.B.* Oil, Banks and Politics: the United States and Postrevolutionary Mexico, 1917–1924. Austin: the University of Texas press, 1995. 236 p.
- Halliday F.* Revolutionary Internationalism and Its Perils // *Revolution in the Making of the Modern World* / ed. J. Foran, D. Lane, A. Zivkovic. London and New York: Routledge, 2007. Pp. 65–80.
- Harper S.F.* The Russia I Believe In. Chicago: the University of Chicago press, 1945. 279 p.
- Hunt M.C.* Ideology and U.S. Foreign Policy. New Haven and London: Yale University press. 237 p.
- Investigation of Mexican Affairs Hearing before a Subcommittee of the Committee on the Foreign Relations. In 2 Vols. Vol. 2. U.S. Congress. Senate. Wash. (D.C.): Government printing office, 1920. 1838 p.

- Johnson Ch.* Revolution and the Social System. Stanford: The Hoover Institute of War, Revolution and Peace, Stanford University Press, 1964. 69 p.
- Kelly A.* The Sino-Japanese War and the Anglo-American Response // *Australasian Journal of American Studies*. 2013. Vol. 32. No. 2. Pp. 27–43.
- Lasch Ch.* The American Liberals and the Russian Revolution. New York: Columbia University press, 1962. 290 p.
- LaFeber W.* Inevitable Revolutions: the United States in Central America. New York and London: Norton press, 1983. 357 p.
- Lind J.* La gente de México. Veracruz: la Secretaría de Instrucción Pública y Bellas Artes, 1915. 34 p.
- Moore B.* Social Origin of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Harmondsworth: Penguin University books, 1966. 559 p.
- Neu Ch.E.* Woodrow Wilson and His Foreign Policy Advisers // *Artists of Power: Theodore Roosevelt, Woodrow Wilson, and Their Enduring Impact on U.S. Foreign Policy*. Pp. 77–91.
- The Papers of Woodrow Wilson. In 69 Vols. Vols. 41, 51, 61, 65, 66 / ed. A.S. Link. Princeton: University press, 1983–1986, 1992.
- Papers relating to the Foreign Relations of the United States. 1913. Wash. (D.C.): Government Printing Office, 1913. 943 p.
- Raat D.W.* ‘Revoltosos’: Mexico’s Rebels in the United States, 1903–1923. College Station: Texas S&I University press, 1981. 344 p.
- Roberts J.M.* The French Revolution. Oxford: University press, 1978. 176 p.
- Salzman N.V.* Reform and Revolution: the Life and Times of Raymond Robins. Kent (Ohio): the Kent State University press, 1993. 472 p.
- Skocpol T.* Social Revolutions in the Modern World. Cambridge and New York: Cambridge University press, 1994. 368 p.
- Spargo J.* Russia as an American Problem. New York and London: Harper, 1920. 458 p.
- Steffens L.* The Autobiography of Lincoln Steffens. San Francisco: Harcourt, Brace and Co, 1931. 873 p.

- Stone L.* Theories of Revolution // World Politics. 1966. Vol. 18. No 2. Pp. 159–176.
- Trowbridge E.D.* The United States and Mexico Finance // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1919. May. Vol. 83. Pp. 155–166.
- Uthoff López L.M.* Las finanzas públicas durante la Revolución. El papel de Luis Cabrera y Rafael Nieto al frente de la Secretaría de Hacienda. México: Universidad Autónoma Metropolitana, 1998. 214 p.
- Walt S.M.* Revolution and War. Ithaca: Cornell University Press, 1997. 384 p.
- Williams W.A.* America Confronts a Revolutionary World, 1776–1976. New York: Morrow, 1976. 224 p.
- Wilson W.* The Road Away from Revolution. Boston: Atlantic Monthly press, 1923. 13 p.
- Zhuravleva V.* Image of Russian Revolution in American Radical Discourse: the Russia's Social Mission vs the US Liberal Mission // ISTORIYA. 2020. Vol. 11. Issue 12 (98). Part I. [Electronic Resource]. URL: <https://history.jes.su/s207987840012984-1-1/> (accessed: 29.11.2024).